

А. Ю. Виноградов

ХЕРСОНЕС-ХЕРСОН: ДВЕ ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА. ИМЕНА, МЕСТА И ДАТЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОЛИСА *

Статья посвящена истории Херсонеса IV в. н.э. Производится сравнительный анализ единственных нарративных источников по данному периоду: «Истории о крепости Херсон» в гл. 53 трактата «De administrando imperio» Константина Багрянородного и «Житий свв. епископов Херсонских». Вместо традиционного сопоставления их данных с реалиями IV в. предлагается выявление их *Sitz im Leben*, что поможет лучше понять специфику их сведений. Анализ их композиции, источников и идейной направленности дает возможность предположить их одновременное возникновение в первой половине VI в., когда происходит расширение и консолидация византийских владений в Северном Причерноморье, где на первый план выходит Боспор. И «История», и «Жития» возникли, вероятно, как попытки отстоять независимость Херсонеса-Херсона против своего давнего врага – Боспора.

Ключевые слова: Херсонес, Боспор, IV в., Византия, эпиграфика, рукописи, локальная история, фальсификация, церковь.

IV век – одна из самых темных страниц в истории Херсонеса. Здесь у нас почти нет эпиграфических источников, археологические памятники скудны, а нарративные источники немногочисленны и противоречивы. Между тем это время – ключевой момент в истории города, эпоха его христианизации и обретения нового статуса в империи.

Собственно говоря, почти вся история Херсонеса IV в. известна нам, не считая нескольких надписей, лишь по двум нарративным источникам. Оба они отстоят на некоторое время от описываемых в них событий, и потому их данные вызывают непрекращающиеся дискуссии среди специалистов, которые заняли уже почти все возможные позиции в их отношении: от абсолютного доверия до признания полной фикцией, включая различные варианты передатировки событий¹. Как кажется, новый путь в этой зашедшей в некий тупик дискуссии следует искать не через соотнесение описанных в них событий с реальной историей, а через поиск *Sitz im Leben* самих источников, что поможет прояснить и специфику их повествования.

Первый из этих источников, описывающий гражданскую (политическую и военную) историю Херсонеса, – большая часть гл. 53 трактата «De administrando imperio» Константина VII Багрянородного (конец 940-х годов), которая носит название «История (или повествование) о крепости Херсоне» (Ἱστορία περὶ τοῦ κάστρου Χερσῶνος²). Большинство исследователей согласно с тем, что данный текст взят Константином из локальной традиции и оставлен по каким-то причинам без из-

Виноградов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0119, реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг. Автор благодарит за дружескую помощь и советы Ш. Альбрехта, И.А. Макарова и С.Р. Тохтасьева.

¹ Status quaestionis см. Грацианская 2004; Виноградов 2010а.

² Moravcsik 1967, 259–284.

менений³. Также общепризнано, что он не может быть частью локальной хроники, так как, несомненно, претерпел литературную обработку (см. ниже).

Структурно «История» состоит из пяти разделов, которые в хронологической последовательности описывают конфликты Херсонеса с Боспором. Каждый раздел начинается с датировки по именам императоров, боспорских царей и/или херсонесских «протевонтов»:

1 (сткк. 2–123) Βασιλεύοντος Διοκλητιανοῦ ἐν ῥώμῃ, ἐν δὲ τῇ Χερσωνιτῶν στεφανηφοροῦντος καὶ πρωτεύοντος Θεμιστοῦ, τοῦ Θεμιστοῦ, Σαυρόματος, ὁ ἐκ τῶν Βοσποριανῶν, Κρισκορόνου δὲ παῖς γενόμενος...

2 (сткк. 124–161) Κῶνστα δὲ τελευτήσαντος, ἐν ῥώμῃ ἐβασίλευσεν Κωνσταντίνος, ὁ υἱὸς αὐτοῦ... Στεφανηφοροῦντος δὲ τότε καὶ πρωτεύοντος τῆς Χερσωνιτῶν Διογένους, τοῦ Διογένους...

3 (сткк. 162–178) Μετὰ δὲ χρόνους τινὰς τοῦ ταῦτα γεγενῆσθαι Σαυρόματος, ὁ ἔγγονος Σαυρομάτου, τοῦ Κρισκορόνου, τοῦ πολεμήσαντος τὴν Λαζικήν...

4 (сткк. 179–233) Καὶ δὴ τούτων οὕτως γενομένων, πάλιν μετὰ χρόνους τινὰς ἕτερος Σαυρόματος...

5 (сткк. 234–535) Τούτων δὲ οὕτως γενομένων, Λαμάχου στεφανηφοροῦντος καὶ πρωτεύοντος τῆς τῶν Χερσωνιτῶν, Ἀσάνδρου δὲ τῆς Βοσποριανῶν βασιλεύοντος...

Ключевые идеи «Истории» следующие:

основным врагом Херсонеса, покушающимся на его независимость и территорию, является Боспор, над которым херсонесцы постоянно одерживают победы;

союзником Херсонеса в борьбе с Боспором за «элевтерию и ателею» являются римские императоры: Диоклетиан, Констант (Констанций Хлор) и Константин I;

в свою очередь, Херсонес оказывает военную помощь империи посредством своих баллистариев, которым император (Константин) приказывает выплачивать тысячу аннон.

Попробуем теперь не продатировать описанные в «Истории» события, как это делается обычно⁴, а проанализировать, для какого времени после середины IV в. был актуален такой набор идей и как он согласуется с другими хронологическими реперами текста. Однако, прежде чем приступить к этому, следует задаться вопросом: а является ли весь текст «Истории» однородным и написанным одновременно?

Как кажется, из всего объема текста выпадает фрагмент (сткк. 138–154), представленный в «Истории» как речь Константина к херсонесским послам⁵.

³ В частности, Бьюри (Bury 1906, 538–539) указал на то, что гл. 52–53 не имеют вводной формулы [ἵστεον] ὅτι, типичной для частей, переписанных Константином. Лишь К. Цукерман (Zuckermann 1991) пытался приписать текст самому Константину, но без достаточной аргументации (критику см. Виноградов 2010а, 92–100).

⁴ Подробнее см. Грацианская 2004.

⁵ «Ἐπειδὴ καὶ νῦν εὐνοϊκῶς ὑπὲρ ἡμῶν ἐκάμετε, καθὼς καὶ ἐπὶ τῶν εὐσεβῶν προγόνων τῆς ἡμετέρας θειότητος,

ἰδοὺ καὶ ἡμεῖς ἐπικυροῦντες τὰς ἡδὲ ἐπ' ἐλευθερίᾳ καὶ ἀτελείᾳ δοθείσας ὑμῖν ἐν τῇ ῥωμαίων ἐκ τῆς ἡμετέρας βασιλείας δεξιὰς,

παρέχομεν ὑμῖν καὶ ἡμεῖς ἀνδριάντα χρυσοῦν μετὰ καὶ χλαμύδος βασιλικῆς καὶ φιβλατούρας καὶ στέφανον χρυσοῦν πρὸς εὐπρέπειαν τῆς ἡμετέρας πόλεως μετὰ καὶ ἐγγράφου ἡμῶν ἐλευθερίας καὶ ἀτελείας ὑμῶν τε καὶ τῶν πλωϊμῶν ὑμῶν,

καὶ πρὸς τὴν γησιότητα τῆς ὑμῶν εὐνοίας δίδομεν ὑμῖν καὶ δακτυλίους χρυσοῦς, ἐκτυποῦντας τὰς ἡμετέρας εὐσεβείας εἰκόνας, δι' ὧν τὰς κατὰ καιρὸν μελλούσας ἀποστέλλεσθαι ἡμῖν παρ' ὑμῶν ἀναφοράς τε καὶ δεήσεις σφραγίζοντες ταύτας, γνωρίμους ἡμῖν ἀποδείκνυτε τοὺς ἐαυτῶν πρέσβεις,

πρὸς ἐπὶ τοῦτοις δὲ παρέχομεν ὑμῖν καθ' ἕκαστον ἔτος νεῦρόν τε καὶ κάρναβον, σίδηρόν τε καὶ ἔλαιον ὑπὲρ κατασκευῆς τῶν βαλλιστρῶν ὑμῶν, καὶ δίδομεν ὑμῖν πρὸς ἀποτροφήν ὑμῶν χιλίας ἀνῶνας, ἐρ' ὅς τε εἶναι ὑμᾶς βαλλιστάρους, λεγόμενον, ὡς τὰς τοιαύτας σιτήσεις τε καὶ συνηθείας πάσας καθ' ἕκαστον ἔτος τῶν ἐντεῦθεν μέλλομεν ὑμῖν ἀποστέλλειν κατὰ τὴν Χερσωνιτῶν».

Его структура, однако, указывает скорее не на речь, а на императорский рескрипт в форме письма: мотивировка, подтверждение прежних привилегий, дарование статуи с украшением и письменным текстом привилегий, посылка перстней с портретом императора, распоряжение о ежегодной высылке всего необходимого для херсонесских баллист и тысячи аннон для баллистариев. Несколько темные слова «золотую статую с императорской хламидой, фибулами и золотым венком для благоукрашения вашего города вместе с нашей записью о вашей свободе и ателее, а также о ваших кораблях» подразумевают, скорее всего, позолоченную бронзовую статую монарха с императорскими украшениями и текстом привилегий на ее базе. В этом случае перед нами может быть сам текст этой надписи, конечно, не константиновской (против этого говорит и формуляр, и лексика, включая не употребляющийся ранее VI в. этноним *Χερσωνῖται*⁶), но, вероятно, действительно сфальсифицированной после середины IV в. В пользу разнородности этого фрагмента и остального текста «Истории» говорит и употребление в нем для баллист правильного термина *βαλλίστραι*, тогда как в прочих местах автор называет их *χεῖροβολίστραι* (sic!). Таким образом, весьма вероятно, что составлению «Истории» предшествовала другая попытка исторически обосновать городские привилегии.

Перейдем теперь к вопросу о датировке «Истории». Самый общий *terminus post quem* устанавливается самой хронологией рассказа (что не имеет в данном случае отношения к реальной датировке описанных в нем событий). Поскольку после Константина, т.е. после 324–337 гг., в «Истории» рассказывается еще о трех конфликтах, между которыми не только проходит «несколько лет», но даже и успевает закончиться боспорская династия Савроматов, то логично предполагать, что повествование здесь доведено по крайней мере до середины IV в. Учитывая наибольшие хронологические искажения именно в последней, пятой части «Истории» (см. ниже), которая, по ее хронологии, должна относиться где-то к середине IV в., следует считать, что текст «Истории» вряд ли возник в его нынешнем виде раньше конца IV в. Этому соответствует и его религиозная окраска, хотя речь в нем идет о временах вроде бы языческих, здесь присутствуют явно христианские элементы: наименование императора Константина «боголюбивым» (стк. 159), упоминание одного Бога (ὁ θεός; сткк. 170, 200, 208, 334, 345, 351, 383, 445, 460).

Terminus ante quem (но не *ad quem*, см. выше) – середина X в. В принципе, жители Херсонеса почти всегда боролись за свою независимость, так что по этому критерию подошла бы и датировка VIII или IX в. Однако сдвинуть эту границу позволяют сткк. 154–161, где говорится о том, что «херсонесцы, получив эти анноны и разделив их между собой и своими детьми, составили подразделение – поэтому и доньше их дети зачисляются в это подразделение согласно комплектованию их родителей»⁷. Практически невероятно, чтобы регулярное подразделение баллистариев, содержащееся на деньги империи, пережило катастрофу середины VII в. и тем более разгром Херсона Юстинианом II в 709 г. Следовательно, «История» была составлена в ранневизантийский период, до середины – второй половины VII в.

⁶ Впервые (в форме *Χερσωνίτης*) встречается в анонимном «Перипле Понта Эвксинского», 57 (середина VI – середина IX в.; Diller 1952, 133).

⁷ Οἱ δὲ Χερσωνῖται τὰς τοιαύτας εἰληφότες ἀνῶνας, εἰς αὐτοὺς τε καὶ τὰ τούτων τέκνα διαμερίσαντες, τὸν ἀριθμὸν συνεστήσαντο· διὰ τὸ καὶ ἕως τοῦ νῦν τὰ τούτων τέκνα κατὰ τὸν γονέων τῆς στρατείας συμπλήρῳσιν ἐν τῷ ἀριθμῷ κατατάσσονται.

Существование отряда баллистариев в Херсонесе при желании можно было бы вообще счесть литературной фикцией, однако в действительности они с большой долей вероятности фиксируются в городе уже в 371–375 гг., в надписи времен императора Валента (IOSPE I², 449)⁸. Данное подразделение существовало в Херсонесе по крайней мере до 487–488 гг., когда оно упомянуто в надписи императора Зинона (SIG IV, 8621), в которой говорится, что на восстановление городских стен василевс «даровал выдачу из денег, собираемых от практия, то есть здешнего викарата преданных баллистариев». Начиная с Кирхгофа⁹, редкий термин *πρακτεῖον* (термин *βικαρίατος* является гапаксом) толкуется в данном случае как «государственная служба, офис» с ошибочной ссылкой на «Василики» (5, 56, 9), а «сбор от практия» – как налоги, собираемые с горожан на содержание баллистариев. Но если они были отданы Зиномом на восстановление стен, то непонятно, на какие же средства содержались в такой ситуации сами баллистарии. В ранневизантийских текстах термин *πρακτεῖον*, однако, встречается (почти одновременно с данной надписью) только в другом значении – «государственная должность» (IGLS 9045–9046; Босра, 491–518 гг.): в последней надписи запрещается практика продажи практия дуки. В таком смысле практий херсонской надписи может быть понят как весьма почетная должность викария баллистариев, за занятие которой государство собирало деньги, которые в данном случае были пущены на восстановление стен. В любом случае очевидно, что и для второй половины IV в., и для конца V в. тема баллистариев была в Херсоне еще весьма актуальна.

Еще одним интересным, но не получившим достаточного истолкования ориентиром в тексте «Истории» могут быть неоднократно упоминаемые высшие должностные лица города – стефанофоры и протевонты. Стефанофоры в античном Херсонесе неизвестны, хотя в античных городах, прежде всего малоазийских, такие эпонимные жрецы фиксируются¹⁰. Протевонты впервые фиксируются в Херсоне на рубеже VII–VIII вв., но, опять же, для античного города это вполне обычное обозначение высшего магистрата (LSJ, s. *πρωτεύω*), хотя форма *πρωτεύωντος* для обозначения эпонимного магистрата в эпиграфике не употребляется. Таким образом, эти термины не являются датирующими.

Существуют ли в тексте «Истории» еще какие-то моменты, актуальность которых помогла бы его датировать? Первый херсонесско-боспорский конфликт связан в «Истории» с борьбой империи против лазов (сткк. 6–8), а в стк. 163 их страна названа Лазикой (*Λαζική*). В античности мы знаем только город *Παλαία Λαζική*, а вот первое употребление этого термина в значении «страна лазов» относится только к VI в. (Justinianus. Novellae 28; Procopius Caesarensis. De bellis 1, 11–22; Idem. Historia arcana 2, 27–30; 30, 14; Agathias Scholasticus. Historiae 3, 2; Johannes Antiochenus. Fragmenta 218; Cosmas Indicopleustes. Topographia christiana 3, 66), причем Иоанна Лид (De ostentis 56; De magistratibus populi Romani 34) прямо подчеркивает переименование Колхиды в Лазику. Этот факт, а также актуальность темы войны империи в Лазике в 542–562 гг. указывают на начало VI в. как на *terminus post quem* для составления «Истории». К конкретному времени написания «Истории» и к причинам этого мы еще вернемся ниже.

⁸ См. Виноградов 2010а, 92–100.

⁹ SIG IV, 8621.

¹⁰ Для формулы *στέφανοφοῦντος* в надписях известно всего 59 случаев в Кари, Ионии и Лидии, а также по разу на Андросе и в Амисе, согласно <http://epigraphy.packhum.org>.

Пока же перейдем к тексту, который описывает религиозную, а точнее, церковную историю Херсонеса в IV в., – «Житиям свв. епископов Херсонских». Часто этим названием обозначают два разных текста.

Первый из них – это «Чудо св. Капитона», которое до настоящего времени было известно только в составе «Синаксаря Константинопольской церкви» под 22 декабря (среди его рукописей особо выделяются списки **D** и **N**, находящиеся под некоторым влиянием «Житий свв. епископов Херсонских», см. ниже¹¹). Недавно мною была обнаружена пространная версия данного текста (см. Приложение) в *cod. Athen. gr. 2108* (XII в.), минологическо-синаксарного сборника фессалонийского или южноиталийского происхождения¹². Здесь сюжет «Чуда» дополнен многочисленными диалогами между св. Капитоном и язычниками. Анализ текста (см. Приложение) заставляет считать афинскую версию если не оригинальным, то по крайней мере древнейшим вариантом текста. «Чудо» датирует христианизацию Херсона временем после смерти епископа Еферия и царствованием Феодосия: поскольку Еферий упомянут среди участников II Вселенского собора 381 г.¹³, а Феодосий текста – это, следовательно, Феодосий I, то описанные в «Чуде» события датируются промежутком между 381 и 395 гг. 390-е годы – это одновременно и *terminus post quem* для создания самого текста. Ключевая идея «Чуда» такова: до Феодосия I Херсонес оставался преимущественно языческим, а его полная христианизация – заслуга посланного из Константинополя епископа Капитона, который, впрочем, был не первым епископом города.

Собственно «Жития свв. епископов Херсонских» представляют собой намного более пространную историю христианизации Херсонеса. Они сохранились в нескольких вариантах, каждый из которых носит на себе следы редакторской правки: в минологии Иоанна Ксифилина (ум. после 1081 г., сохранился по-грузински), в рукописи *Patmiacus gr. 736* (XIV в.; датировка самой переработки неясна), в «Синаксаре Константинопольской церкви» под 7 марта (X в.), в том числе с вариантами в списке *D – Par. gr. 1587* (XII в.) и в рукописи *Mosq. GIM gr. 296* (XVI в.), в армянском синаксаре Тер-Исраэля, а также в редакции, представленной переработкой в «Императорском минологии» типа А (1034–1041) и двумя славянскими переводами в составе Миней Четых, которые сделаны с одного греческого списка¹⁴. Таким образом, оригинальный текст «Житий» реконструируется на основе сопоставления всех вышеперечисленных версий.

«Жития» делят повествование на четыре хронологических блока, посвященных различным епископам и начинающихся с датировки (дается по «Императорскому минологии»):

1. (гл. 1–9¹⁵) Василей и Ефрем.

«Когда нечестивый Диоклетиан держал бразды римского государства... Поэтому-то в одиннадцатый год тирании Диоклетиана...».

2. (гл. 10–11) Елпидий, Агафодор и Евгений.

«И вот один из бывших со святым мучеником, после его погребения...».

¹¹ Delehayе 1902, 336–338.

¹² Halkin 1983, 120.

¹³ Ruggieri 1993, 350, № 140.

¹⁴ Halkin 1957, 94–95, № 265z–267; 1984, 45–46, № 265z–267c. Обычно считается, что он лексически стоит ближе всего к утраченному греческому оригиналу «Житий», однако на самом деле греческий оригинал славянского перевода представляет собой лишь редакцию оригинального текста, см. Виноградов 2010а, 87.

¹⁵ Нумерация глав дается по Виноградов 2010а, 164–165.

3. (гл. 12–13) Еферий.

«Прошло немало времени, и отправляется из Иерусалима епископ по имени Еферий».

4. (гл. 14–18) Капитон.

«Прошло немного времени, и буря идолослужения утихла, ибо Бог воздвиг нам рог спасения – благочестивого и христоролюбивого императора Константина Великого. Отправив к нему посольство, верные жители Херсона...».

Ключевые идеи «Житий» следующие:

Херсонская кафедра имеет древнее происхождение (300 г.);

все епископы-мученики в Херсоне были до Константина I;

при помощи Константина I христианство в Херсоне утверждается и становится господствующей религией.

Таким образом, «Жития» датируют описываемые в них события 300–325 гг. (300 г. – дата прибытия св. Василия, 325 г. – дата I Вселенского собора, в котором участвует св. Капитон), т.е. смещают время деятельности епископов Еферия и Капитона в 320-е годы.

Когда же был создан текст «Житий»? Сознательное искажение событий 381–395 гг. заставляет считать, что это не могло произойти раньше середины V в., когда были еще живы свидетели деятельности епископа Капитона. Начиная с Латышева¹⁶, другим *terminus post quem* считалось упоминание в «Императорском минологии» и одном из славянских переводов Турции, как места назначения епископа Ефрема (гл. 2), не возможное раньше 570-х годов, однако анализ текста показывает, что первоначально здесь стояла Скифия (как в синаксаре), превратившаяся затем в Тавроскифию (как в *Ratm. gr.* 736), которая, в свою очередь, исказилась в Туркию¹⁷.

Однако недавно мною был предложен новый *terminus ante quem*¹⁸. «Жития» весьма подробно описывают памятники над местами смерти и погребения херсонесских епископов, но не над могилой епископа Василия, который, согласно Иоанну Ксифилину и славянским переводам (гл. 9), был похоронен за городом, близ западной стены. Это место уже давно было отождествлено с так называемой Западной базиликой, построенной в середине VI в. сразу за старыми западными воротами и специально обнесенной новой стеной¹⁹. Следовательно, «Жития» возникли, вероятно, еще до середины этого столетия, когда в качестве могилы епископа почитался позднеантичный склеп, вошедший позднее в состав комплекса базилики. Более того, нельзя исключать, что и само ее строительство (равно как и тетраконхимального мавзолея над печью св. Капитона) началось под влиянием «Житий».

Хотя «История о крепости Херсон» и «Жития свв. епископов Херсонских» тематически не пересекаются, их объединяет ряд сходных черт:

переписывание истории Херсонеса IV в. с искажением датировок описываемых событий (пятый раздел «Истории» и третья и четвертая части «Житий»);

цель – утверждение древности городских привилегий (элеутерии, ателеи, финансирования баллистариев и других в «Истории» и независимости епископов в «Житиях»);

¹⁶ Латышев 1906, 15–16.

¹⁷ Виноградов 2010а, 15–16.

¹⁸ Виноградов 2010а, 38–39.

¹⁹ См. Сорочан 2005, 827–851.

положительное отношение к империи, помощнице Херсонеса (в защите его независимости, согласно «Истории», и в утверждении христианства, согласно «Житиям»);

вмешательство империи в военную составляющую города (организация и финансирование отряда баллистариев в «Истории», отправка и поселение 500 воинов Феоны в «Житиях»);

начало действия в правление Диоклетиана;

ключевая, положительная роль Константина I, включая сходные эпитеты (в защите и умножении городских привилегий, по «Истории», и в утверждении христианства, по «Житиям»);

общая структура текста, состоящая из нескольких последовательных хронологических блоков, которые разделены некоторыми временными промежутками (5 в «Истории» и 4 в «Житиях»);

обилие локальных топонимов и «мест памяти», а также этимологических легенд;

общее понимание термина «Скифия» как провинции Малая Скифия (во втором разделе «Истории» и в первой части «Житий»).

Данные сходства ясно демонстрируют то, что оба текста были созданы в Херсонесе с целью приспособить его историю для защиты городских привилегий. Могли ли они возникнуть одновременно? Как было показано выше, «История» датируется началом VI – серединой VII в., а «Жития» – серединой V – серединой VI в., следовательно, единственным общим для обоих текстов промежутком остается первая половина VI в. Попробуем взглянуть на политическую историю Северного Причерноморья в этот период и попытаемся понять, давала ли она поводы для возникновения данных произведений именно в это время.

В 497–523 гг. прекращает свое существование Боспорское царство, территория которого переходит под власть империи (в надгробии 491 г. еще упоминается комит боспорского царя; 497 г. датируется последняя надпись по локальной боспорской эре. К 523 г. Юстин I уже точно подчинил Пантикапей, который называется в VI в. уже Воспором); в 527 г. в Воспоре появляется византийский гарнизон²⁰. С другой стороны, под 519 г. упоминается Фанагорийская епископия, учитывая, что в 536 г. иерарх Воспора имеет уже статус митрополита, весьма вероятно подчинение ему Фанагории в качестве суффрагана²¹. Во второй трети VI в. по инициативе Юстиниана I основывается епископская кафедра в Никопсии, опять же при помощи Воспора, о чем свидетельствует появление в первой мощей ап. Симона Кананита, почитавшегося в последнем уже к V в.²² По всей вероятности, тогда же создается и уникальная церковная епархия Зихия в составе Воспора, Херсона и Никопсии: она упоминается впервые в 660-х гг. в *Notitia episcopatum* I²³, однако следует помнить, что более ранних памятников такого типа не сохранилось.

В *Notitia episcopatum* I все три кафедры фигурируют как автокефальные архиепископии (хотя в действительности они продолжали оставаться епископиями до середины IX в.²⁴). Однако учитывая митрополичий статус Воспора в 536 г., вполне вероятно, что Юстинианом I задумывалась нормальная церковная епар-

²⁰ Виноградов 2010б.

²¹ Виноградов 2007.

²² Виноградов 2007.

²³ Jankowiak 2011.

²⁴ Работа по данному вопросу в настоящей момент готовится к печати автором этих строк вместе с Д.В. Каштановым.

хия в Северном и Северо-Восточном Причерноморье во главе с митрополитом. Такое объединение происходило в рамках консолидации византийских владений в Северном Причерноморье после присоединения Боспора (судя по нарративным и эпиграфическим источникам, Херсонес перешел под власть империи еще в конце IV в.). В этой связи вставал вопрос и об их церковном и административном центре. Именно данное обстоятельство и могло вызвать появление на свет двух апологий гражданских и церковных свобод Херсонеса, подчеркивавших его дружеские связи с империей. Удалось ли херсонесцам добиться желаемого?²⁵

После тюркского разгрома Боспора в 576 г. идея консолидации северопричерноморских владений Византии становится еще более актуальной. Именно в это время появляются первые византийские «протофемы» (например, Равеннский экзархат). И в борьбе за главенство в этом объединении Херсонесу, похоже, удалось взять верх: в надписи 589–590 гг. из Гермонассы на азиатском Боспоре (CIG IV, 8740) в качестве строителя выступает Евпатерий, «стратилат и дука Херсона».

Какое значение предложенная датировка обоих текстов может иметь для оценки их содержания? Во-первых, их собственная датировка описываемых в них событий оказывается удалена от момента составления памятников почти на два века. Где-то в этом промежутке и находится предшествующий им этап локальной историографии («рескрипт» Константина – для «Истории» и «Чудо св. Капитона» – для «Житий»). Во-вторых, по-иному предстает вопрос о других источниках «Истории» и «Житий»: если при более ранней дате составления возможна была бы опора только на устную традицию, то при такой дистанции она оказывается менее вероятной. Насколько же фиктивны имена, топонимы и даты в рассматриваемых текстах?

Как было указано выше, основным источником для последней, четвертой части «Житий» является «Чудо св. Капитона» V в. (о форме оригинала см. в Приложении). Изменения в его сюжете сводятся к двум типам: изменение данных источника и добавление новых реалий. К первому относятся превращение печей для строительства храма св. Петра в печи для создания языческого храма (если только это не новация «Императорского минология» и славянского перевода, противоречащая, к тому же, описанному выше пребыванию язычников за городом), получаса в печи – в час, разрушения храма Девы – в строительство храма св. Петра (упоминался в «Чуде» выше); ко второму – 500 присланных императором воинов Феоны, помощников Капитона, восприемников горожан от купели и новых жителей Херсона, а также цитата из Деян 17, 20, возглас «вонмем», угли в одежде епископа и смерть Капитона в старости (агиографический топос). Изменения второго типа также бывают обусловлены общей концепцией «Житий»: замена Феодосия I на Константина I, участие Капитона в Никейском соборе и нахождение язычников за городом (связано с их изгнанием из Херсона при предыдущем епископе Еферию).

Мы видим, что одна из новаций «Житий» оказывается связана с локальной топографией: это легенда о происхождении названия «квартал Феоны», находившегося между Малой агорой и Парфеноном. Сложнее обстоит дело с чудесной печью: она теряет свою локализацию в Периболе, зато из приготовленной в ней извести, согласно «Житиям», строят купель при храме св. Петра. Значит ли это, что «Чудо» и «Жития» помещают печь в разных местах города? Как кажется, все же нет: ни

²⁵ То, что «Жития» стали известны в Константинополе, показывает их включение в «Синаксарь Константинопольской церкви»; судя по присутствию там отдельной памяти св. Капитона, текст которой основан на «Чуде», оно стало известно в столице независимо от «Житий».

тот, ни другой текст не говорят о соседстве печи и храма, следовательно, ничто не мешает соотнести эту печь с печью под тетраконхальным мартирием²⁶, а юго-запад Херсонеса, где он находится, – с Периболом «Чуда», который по своему имени (в переводе «обнесенный стеной») отлично подходит к этому углу городища между западной и южной стеной. Удаление «Житий» от реалий античного Херсонеса отлично демонстрирует локализация храма св. Петра: они помещают его около купели, опуская рассказ «Чуда» о его строительстве на месте храма Девы (τὸν τοῦ Παρθενικοῦ λεγόμενον ναόν), при том, что ниже, описывая локализацию квартала Феоны, прилегающего к храму св. Петра («от Малой агоры до Парфенона»), «Жития» все же связывают эту церковь с Парфеноном, но исходя уже из византийской топографии города, а не из событий конца IV в. Итак, в рассказе о св. Капитоне «Жития» изменяют и дополняют топографию «Чуда» в согласии с реалиями своего времени. Что же в остальных частях текста?

С одной стороны, «Жития» тщательно описывают памятные столпы над местами смерти епископов Василия (гл. 8) и Еферия (гл. 12.3) – явно как реалии своего времени. С другой стороны, в тексте упоминаются и другие памятные места, не отмеченные никакими знаками: пещера Парфенон (гл. 4) и склеп сына знатных горожан (гл. 5); причем часть таких мест имеет четкую локализацию: могила Василия – за Священными воротами, у западной стены (гл. 9), могила Елпидия, Агафодора и Евгения – к востоку от города (гл. 11). Следовательно, это также были почитаемые в VI в. святыни (позднее превратившиеся соответственно в храм на Девичьей горке (?) и в Западную базилику)²⁷, а скудные описания мученичеств в «Житиях» базируются во многом на сакральной топографии ранневизантийского Херсона. По всей видимости, почитаемые в вышеупомянутых местах святые и дали имена первым епископам Херсонеса (кроме Ефрема). То же самое касается и дат памяти всех семи епископов: для Капитона она засвидетельствована уже «Чудом» (22 декабря), а для остальных определялась, вероятней всего, праздником, совершаемым на их гробнице (для Василия – это 7 марта, для Елпидия, Агафодора и Евгения – 6 декабря или 6 марта; характерно, что для умершего в устье Днепра Еферия и направленного в Скифию Ефрема такой даты нет).

Таким образом, оказывается, что повествование первых трех частей «Житий» построено по большей части на локальных памятниках и их легендах. К этому пласту не относятся лишь рассказы о событиях вне Херсонеса: приезд епископов из Иерусалима или с Геллеспонта, поездка Еферия в Константинополь. Они могут быть и частью местного предания (или даже внешних источников, откуда появляется, например, историческая фигура иерусалимского епископа Ермона), и сознательной фикцией автора «Житий», который специально подчеркивал раннюю прямую связь Херсонеса с крупнейшими церковными центрами империи. В пользу последнего говорит и заведомая фикция автора относительно Еферия, которого он удревнил больше чем на полвека, а также схожесть рассказа о поездках в столицу Еферия и Капитона: оба они получают от императора дары и воинов.

Эти помогающие епископу воины из Константинополя по сути и оказываются единственным мотивом «Житий», который не сводим ни к легендам памятных мест, ни к хронологическим фикциям автора, ни к агиографическим топосам (таким, как протаскивание мученика по улицам города, воскрешение мертвого ребенка или охраняющие тело святого звери и чудесный свет над ним). Постоянное появление

²⁶ Сорочан 2005, 851–857.

²⁷ Сорочан 2005, 819–820, 827–851.

имперских военных отрядов в Херсоне последней трети IV в. подтверждают надписи 371–375 гг. и 392–393 гг. (IOSPE I², 449, 450²⁸). В первой в качестве инициаторов строительства выступают префект претория и комит (очевидно, *rei militaris*) – хронологически она может быть связана с военной помощью епископу Еферию (умер после 381 г.). Вторая надпись упоминает трибуна Флавия Вита и по своей дате связана, очевидно, с военной помощью империи епископу Капитону. Тема помогающих епископу воинов служит в «Житиях» для того, чтобы представить военные отряды, которые в реальности возвращали Херсонес в состав империи, лишь как средство утверждения христианства в городе (что, видимо, не противоречит действительности), не затрагивая при этом болезненную тему элветерии.

Ситуация со вторым текстом – «Историей», обстоит схожим и одновременно несколько отличным образом. Для нее также предполагается по крайней мере один источник – «рескрипт» Константина I (см. выше), который также определяет сюжет одной из частей текста, второй. Текст «рескрипта» невелик, но он составляет всю вторую половину этой части; первая половина же состоит из упоминания Константина (взято из «рескрипта») и его похода на Скифию (взято из историографии или просто выдуманно²⁹), кратких сообщений о походе херсонеситов и посольстве к императору относительно привилегий, находящихся прямые аналогии в первой части текста (поход на Боспор и посольство к Диоклетиану), а также имени стефанора и протевонта Диогена, сына Диогена (как и остальные имена городских магистратов взяты из локальной традиции, см. ниже). Таким образом, весь раздел II «Истории» оказывается основан на предшествующем источнике и на топике других частей текста.

Подобную картину мы видим и в разделе III «Истории». Вначале идет привязка к сюжету первого раздела («Савромат, внук Савромата Крискороновича, воевавшего Лазику», «отомстить за оскорбление пленением, нанесенное ими его деду при императоре Диоклетиане»), а затем имя херсонесского магистрата (см. ниже). Во второй половине раздела помещено краткое описание битвы, которое содержит один лишь факт: установление границы в Кафе, судя по тому, что в следующем разделе говорится о «вышеупомянутых первых пограничных столбах в Кафе» (стк. 227), вся история данной битвы выведена из этого артефакта. Наконец, так же, как и в первом и четвертом разделах, боспорского царя зовут здесь Савромат, что, как давно уже отмечалось, не соответствует реалиям конца III–IV в.³⁰ Откуда же взял это имя херсонесский автор VI в.? Ответ на это можно найти в параллели начала IX в.: константинопольский монах Епифаний, описывая Феодосию, в которой при нем «нет ни следа человеческого», неожиданно называет ее царем Савромата. Поскольку он не относит его и к Воспору-Керчи, то значит он взял это имя из виденной им в руинах города надписи³¹, откуда он почерпнул и архаичную форму $\Theta\epsilon\upsilon\delta\omicron\varsigma\iota\alpha$ ³². Точно так же поступил, видимо, и херсонесский автор: он взял то имя, которое было знакомо ему из традиции и казалось именем боспорского царя *par excellence* (ср. боспорских воинов-сарматов в первом разделе «Истории»).

Но нельзя исключать, что аналогично он нашел и имена херсонесских стефаноров и протевонтов. Подавляющее большинство из них действительно засви-

²⁸ Виноградов 2010а, 92–107.

²⁹ См. КБ 1991, 254, прим. 18.

³⁰ См. КБ 1991, 249, прим. 3.

³¹ Виноградов 2008.

³² 20 раз встречается в боспорских надписях, согласно PHI7 Database.

детельствовано как магистратские херсонесскими надписями, преимущественно II в.³³, причем все их можно найти на пространстве всего двух декретов: НЭПХ II 112, ок. 140 г. (Диоген, Воиск (в «Истории» искажен в Виска), Зиф (в НЭПХ II 111, ок. 120 г. есть и Зиф, сын Зифа: Зифон в «Истории» – явное искажение), Филомус) и SEG 45:985, 174 г. (Фемист, Хрест, сын Папия, Диоген, Стратофил, Филомус). Имя Ламах встречается во II в. (SEG 48:999; 106–114 гг.), но было введено автором во многом для объяснения топонима Ламахов дозор в разделе V; загадочное имя Суполих, согласно идее И.А. Макарова (высказано в частной беседе), может быть искажением имени Сополис, также известного по декрету II в. (НЭПХ II 120). Более того, даже нетипичный для Херсонеса «Фарнак, сын Фарнака» мог быть взят из надписи II в., подобной IOSPE I², 358 (ок. 129 г., декрет в честь амастрийца Фарнака). Итак, все имена херсонесских магистратов «Истории» встречаются только во II в., причем некоторые из них характерны лишь для этого времени (Воиск, Фемист, Стратофил, Филомус). Поэтому вполне вероятно, что все эти имена и даже их комбинации (имя + патронимик) автор «Истории» мог позаимствовать из одного херсонесского декрета II в., причем даже не обращая внимания на происхождение имен. Однако принадлежность имен ко II в. говорит не о датировке этим временем описываемых событий, а о методе работы автора «Истории» над фикцией херсонесской хроники. Идея взять имена для датировок из надписей имела и важный политический смысл: они как бы доказывали правдоподобность всей истории посредством эпиграфических свидетельств.

Раздел IV «Истории» также распадается на несколько разнородных элементов. Начинается она с упоминания очередного Савромата, границ в Кафе (см. выше о разделе III) и херсонского протевонта. Основной же рассказ раздела представляет собой типичный фольклорный мотив поединка полководцев и поражения кичливого исполина, побежденного хитростью соперника³⁴. Раздел заканчивается перенесением границы к Кивернику, что основано опять же на известных автору артефактах. Кстати, нет никакой необходимости отказываться от традиционного отождествления Киверника с Киммериком в пользу Казеки (см. КБ 1991, 454): «История» указывает расстояние от него до Воспора в 40 миль, а анонимный «Перипл Понта Эвксинского» (середина VI – середина IX в.; Diller 1952, 132–133) – в 32 мили, в то время как до Казеки – в 54 (искажение названия легко объяснимо минускульной ошибкой (смешением *мю* и *беты*) и этимологизацией имени). В конце раздела III упоминается и о стеле в честь Фарнака в Воспоре. Составитель «Истории», очевидно, имел в виду одну из надписей боспорского царя Фарнака II (ср. КБН 28; его предок Фарнак I Понтийский упоминается и в херсонесской эпиграфике – IOSPE I², 402), которого он соотнес с выдуманным им херсонесским протевонтом, взятым, вероятно, из надписи (см. выше). На этом заканчивается тот раздел «Истории», в которой действуют цари Савроматы; автор описывает это как конец «царства Савроматов в Боспоре».

Центральный объем «Истории», состоящий из довольно коротких разделов (II–IV) с двумя вставными текстами («рескрипт» Константина и легенда об исполине), обрамляют два раздела (I и V) с намного более пространным нарративом, который предполагает не просто использование отдельных сведений локальной традиции, но достаточно пространные повествовательные источники либо полет фантазии автора. В самом первом разделе «Истории» это рассказ о походе боспорян в Лазику

³³ Грацианская 2004.

³⁴ Minns 1913, 526, n. 5.

и к Галису, их противостоянии с Константином, просьбе Диоклетиана и походе херсонесцев на Боспор, отправлении послов к Савромату, переговорах с Константином, возвращении послов и херсонесцев домой и предоставлении императором привилегий Херсонесу. Из всего повествования можно вычлени́ть начальный пассаж с именами царя Савромата, сына Крискорона, и херсонского протевонта, взятыми из надписей (см. выше), и заключительный – с привилегиями херсонесцам, очевидно, экстраполированными из раздела II «Истории», а также возвышением Константа (т.е. Констанция Хлора) и возвращением Диоклетиана в Никомидию, взятыми из внешних источников (ср. выше относительно похода Константина I на Скифию в разделе II и фигуры Ермона в «Житиях»). Остальной рассказ представляет собой единый и при всем том весьма сложный сюжет с несколькими сменяющимися друг друга линиями (Савромат и Констант > Диоклетиан и херсонесцы > херсонесцы и оставшиеся дома боспорцы > херсонесские послы, Савромат и Констант > возвращение послов, херсонесцев и Савромата).

Но является ли он плодом фантазии самого автора «Истории» или происходит из некоего литературного источника? Зацепкой для решения этого вопроса мог бы стать один пропуск в сюжетной канве (сткк. 66–78): Савромат предлагает послам якобы (ὥς δῆθεν) отдохнуть, а потом отправиться к римлянам, но в чем его хитрость, не объясняется, однако из дальнейшего повествования выясняется, что Савромат успел заключить с римлянами мир на выгодных условиях, т.е. с выплатой ему денег (о чем сожалеет Констант), очевидно, пока херсонесские послы отдыхали и не могли рассказать Константу о своей победе. Р. Дженкинс³⁵ предположил в речи Савромата к послам лауну, однако отсутствие видимого шва говорит скорее в пользу того, что она появилась не при переписывании трактата, а при включении данного рассказа в «Историю». В пользу этого говорит и уточнения φησί, вставленные перед речью Савромата, а также в описании военной хитрости херсонесцев, причем не важно, является ли оно вставкой автора «Истории» или содержалось в его источнике³⁶, – в любом случае оно указывает на заимствование эпизода в «Историю» из более ранней традиции.

Схожа ситуация и в последнем разделе V «Истории», которая полностью посвящена истории херсонесянки Гикий, дочери протевонта Ламаха, и ее браку с сыном боспорского царя Асандра. Обычным для автора способом здесь образованы только имена херсонесских магистратов – даже имя боспорского царя выпадает из предыдущего ряда Савроматов, причем вполне исторично (Асандр правил на Боспоре задолго до них, в 44–17 гг. до н.э.). Весь рассказ, хотя и разбит на три хронологических отрезка, датируемых по протевонтам, представляет собой единое повествование, состоящее из завязки (сватовство и свадьба при Ламaxe), основного сюжета (подвиг Гикий при Зифе) и эпилоге (уловка Гикий при Стратофиле). О том, что он также заимствован автором «Истории» из какого-то источника, говорят те же вставные φησί в сткк. 291, 303 и 384. В конце основного сюжета описан и другой «источник» сюжета – две статуи Гикий, поставленные херсонесцами: «на одной стеле они поместили ее скромно наряженной и открывающей горожанам все, связанное с заговором ее собственного мужа, на другой они представили ее действующей и ведущей борьбу с затеявшими заговор против города; на пьеде-

³⁵ См. Minns 1913, 526, п. 5.

³⁶ Оно не может быть вставкой Константина Багрянородного, так как в «De administrando imperio», кроме гл. 53 (см. также ниже), это слово всегда вводит прямую цитату из автора (23.12, 31, 38, 41; 24.9; 32.14).

стале статуи они описали все совершенные ею с помощью Божией благодетельности для горожан». Еще одна статуя – бронзовая с позолотой – упоминается в конце эпилога, резюмируя его рассказ о почестях херсонесцев Гикии. Вполне возможно, что легенда о Гикии возникла как попытка объяснить происхождение двух или трех загадочных женских статуй в городе.

Обилие топонимов и херсонесских реалий явно указывает на локальное происхождение всего рассказа – единственной загвоздкой остается само имя главной его героини. Дело в том, что имя Гикия (Γικεία) зафиксировано только в Юго-Западном Причерноморье (Истрия, Византий, Халкидон), так же, как и сходные имена Γύκεις (Томы), Γύκων (Созополь) и Γικέρα (Дионисополь³⁷). Это простонародная форма имени Γλυκεία (любезно указано С.Р. Тохтасьевым), особенно популярного в Южном Причерноморье (см. LGPN 5a). Здесь возможно два предположения: либо имя Гикия попало в Херсонес вместе с сюжетом легенды, что маловероятно, учитывая локальный ее характер, либо знатная героиня носила первоначально имя Гликия, которое превратил в Гикию народный характер легенды³⁸. Имена херсонесских магистратов в легенде взяты либо из местных реалий (Ламах), либо, как и в остальной «Истории», из надписи II в. (Стратофил, сын Филомуса). В этой связи встает вопрос и о другом ключевом имени – Асандр (заметим, что его сын, один из протагонистов легенды, вообще не имеет имени). Не исключая возможности реального конфликта между Херсонесом и Боспором в I в. до н.э., следует отметить, что имя Асандра могло иметь в народном предании и легендарный характер (как имя Савромат для разделов I–IV «Истории»): отголоски этой традиции можно обнаружить в лукиановском корпусе ([Luc.] Macrobii, 17), где Асандр фигурирует, например, как легендарный долгожитель-богатырь³⁹.

Итак, после разбора композиции и техники составления «Истории» состав ее источников выглядит следующим образом. Большая часть разделов II–IV взята автором из херсонесских преданий, прежде всего из памятников («рескрипт» Константина, пограничные столбы) и в меньшей мере из внешней традиции (поход Константина на Скифию); имена херсонесских магистров во всем тексте заимствованы из местной эпиграфики II в. или из локальной топографии (Ламах); имена боспорских царей (Савромат, Асандр) – из эпиграфики или историографии. Наконец, три эпизода представляют собой пространные, литературно обработанные повествования, восходящие к более ранним источникам: поход боспорян на Понт, битва с исполином Савроматом и рассказ о Гикии. Однако характер их различен. Если второе – типичное фольклорное сказание, а третье – история с явными чертами литературного вымысла и сомнительной историчностью, то первое, напротив, выглядит как исторический нарратив с некоторыми элементами сюжетной интриги, не переходящими, однако, в область фикции. Но и этот источник не был слишком древним: в нем император Констанций I назван Константином, а боспорский царь – Савроматом, вместо Фофорса; сам же поход боспорян похож на описание событий III в. у Зосима («Новая история» I, 31–34⁴⁰). Вероятно, как и в случае с «рескриптом» Константина, это была еще одна попытка обоснования древних херсонесских свобод, произведенная во второй половине IV–V в.

³⁷ См. Fraser, Matthews 2005, 83; IK. Kalchedon 65.

³⁸ Любезно указано И.А. Макаровым.

³⁹ Любезно указано И.А. Макаровым.

⁴⁰ См. Salamon 1971.

Попробуем теперь реконструировать метод работы автора «Истории». Он взял как минимум три ранних источника и один фольклорный мотив и сделал их центральными частями четырех разделов. К этому он добавил сведения, взятые из различных лапидарных памятников Херсонеса, Боспора и Кафы, благодаря чему получился еще один раздел III «Истории». Наконец, он придал повествованию флер достоверности посредством имен херсонесских магистратов, взятых из эпиграфики II в. н.э. Два его источника действительно описывали херсонесско-боспорские конфликты, но выдумал ли он два остальных в разделах III и IV, где доля фикции наиболее ощутима? Против этого говорит наличие той же вставки $\phi\eta\sigma\iota$ в начале раздела III, причем сразу после анахронического упоминания Лазики, следовательно, и об этом конфликте сообщал какой-то источник, может быть, даже не самостоятельный, а, например, финал рассказа о походе боспорян на Понт. Таким образом, автор «Истории» не выглядит бессовестным фальсификатором: он просто превратил имевшиеся у него сообщения о херсонесско-боспорских конфликтах в связанный и литературно украшенный рассказ.

Подводя итог анализу методов составления двух историй Херсонеса IV в., мы можем констатировать, что и в этом аспекте между ними много общего. В обеих видится стремление создать масштабные полотна городской истории на протяжении нескольких десятилетий. Для этого используются более ранние источники, зачастую тоже не слишком достоверные. Недостающие звенья реконструируются из локальных памятников и окружающей их местной традиции, включая этимологические легенды, а также их уснащают скудными данными внешней традиции. Наконец, получившуюся канву при помощи литературных приемов превращают в последовательное и внешне непротиворечивое повествование об истории Херсонеса в IV в.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЗДАНИЕ И ПЕРЕВОД ДРЕВНЕГО «ЧУДА СВ. КАПИТОНА»

Пространный (в отличие от краткого – синаксарного, см. выше) текст «Чуда св. Капитона» сохранился только в одной рукописи Athen. gr. 2108, л. 142 об.–144 (XII в.⁴¹) (рис.). Это оборванный в начале и конце синаксарь (сохранились тексты с 26 октября по 31 декабря) с пространными вставками минологического типа. Среди такого рода вставок данный текст Ф. Алкеном не был выделен, что и оставило его неизвестным для исследователей.

По своему оформлению (заставки, инициалы) рукопись напоминает южноиталийские. Однако она может происходить и из Фессалоники, на что указывают уникальное житие Александра Солунского и тот факт, что она прежде хранилась в собрании Фессалоникийской гимназии (№ II.39).

Текст чуда здесь значительно пространный⁴² за счет более подробных описаний действий и речей святого. На первый взгляд они могут показаться вставками позднейшего редактора синаксаря, однако их сравнение с параллельными местами в «Житиях свв. епископов Херсонских» (см. выше) демонстрирует обратное. Так, например, здесь есть отсутствующие в синаксаре, но присутствующие в разных версиях «Житий» (гл. 14–18) слова язычников («войди в одну из печей, и если ты выйдешь оттуда живым, то мы уверуем»), предложение Капитона («дайте мне своих детей... чтобы, когда я благодаря своему Богу выйду из печи, а вы не уверуете в Него, я бросил их в печи»), указание на передачу ему детей и

⁴¹ Halkin 1983, 120.

⁴² Delehayе 1902, 336–338.

Рис. Cod. Athen gr. 2108. Л. 142 об.–144

на его вход в печь, уточнения о поведении язычников после чуда («увидев это... упали к его ногам») и их просьба о крещении (в «Житиях» сохранилась только у Ксифилина), оглашение язычников (в «Житиях» сохранилась только в «Императорском минологии»).

Все это указывает на то, что автор «Житий» пользовался «Чудом» не в синаксарной, а в пространной версии. Трудно судить о том, была ли это версия, сохранившаяся в афинской рукописи, или какая-то другая. Следовательно, мы не можем быть уверены в том, что афинская версия «Чуда» – оригинальная, но в любом случае она представляет собой не только наиболее близкое к оригиналу «Чудо св. Капитона», но и древнейший текст во всей традиции, связанной со святыми епископами Херсонскими вообще. Локальный характер описываемых в ней событий заставляет ее считать с одним из немногих дошедших до нас памятников херсонской литературы. О авторе ее сказать что-то точное затруднительно, но, судя по обращениям «любезные братья» и «честные отцы», он был монахом и писал для монашеской среды.

Τοῦ ἁγίου Καπίτωνος ἐπισκόπου Χερσῶνος

1. Οὗτος ὁ ἐν ἁγίοις Καπίτων ἦν ἀποσταλὲς ἐπίσκοπος ἐν Χερσῶνι ὑπὸ Θεοδοσίου τοῦ μεγάλου βασιλέως τελευτήσαντος Αἰθερίου τοῦ ἐπισκόπου. Ὅστις καταλαβὼν τὴν πόλιν Χερσωνιτῶν ἔτι πολλῶν ἀπίστων ὑπαρχόντων ἐκέισε, πλήρης πνεύματος ἁγίου καὶ σοφίας θείας ὑπάρχων ὁ ἀνὴρ, ἀόκνως καθ' ἐκάστην ἡμέραν ἐδίδασκεν καὶ παρεκάλει τοὺς Ἕλληνας [л. 143] καταλιπεῖν τὴν τῶν ματαίων εἰδώλων προσκύνησιν καὶ προσελθεῖν τῷ ἀληθινῷ θεῷ Χριστῷ τῷ βασιλεῖ ἡμῶν.

2. Ἐβούλετο δὲ τὴν τοῦ Παρθενίου εἰδώλου λεγόμενον ναὸν τῶν Ἑλλήνων καθελεῖν καὶ εἰς ἀγίασμα οἴκου θεοῦ ἀνοικοδομήσαι ἐπ' ὀνόματι τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου καὶ κορυφαίου τῶν ἀποστόλων Πέτρου· καὶ αἰνιγματωδῶς περὶ αὐτοῦ καθ' ἐκάστην ἔλεγεν τοῖς Ἕλλησιν. Οἱ δὲ οὐκ ἠνίσχοντο αὐτοῦ ἀκοῦειν περὶ τούτου.

3. Ὁ δὲ ἐν ἁγίοις Καπίτων μὴ προσέχων τοῖς αὐτῶν ῥήμασιν ἐκέλευσεν γενέσθαι δύο καμίνους ἐν τῷ λεγομένῳ Περιβόλῳ χάριν τῆς τῶν ἀσβεστῶν ἐτοιμασίας. Καὶ

τούτων γενομένων καὶ ἀναφθέντων περὶ ἡλίου δυσμὰς καὶ ὅλην τὴν νύκτα καιομένων, ὀρθροῦ οἱ Ἕλληνες σὺν τοῖς Ἰουδαίοις παραγενόμενοι ἐκώλυνον τὰς καμίνους καίεσθαι λέγοντες τῷ ἐν ἁγίοις Καπίτῳ μὴ δύνασθαι αὐτὸν καταλῦσαι τὸν ναὸν αὐτῶν, ὡς δυνατῶν ὄντων τῶν θεῶν αὐτῶν.

4. Λέγει αὐτοῖς ὁ ἐπίσκοπος· «Ἐγώ, τέκνα καὶ ἀδελφοί, οἶκον τοῦ ἀληθινοῦ θεοῦ σπεύδω ποιῆσαι πρὸς σωτηρίαν τῶν ψυχῶν ὑμῶν. Οὐς γὰρ λέγετε θεοὺς ματαῖα καὶ βδελυκτὰ εἰσιν εἰδῶλα, ἔργα χειρῶν ἀνθρώπων. Εἰ δὲ δοκεῖτε αὐτὰ εἶναι θεοὺς, καὶ τίποτε δυνάμενα, ἐπερωτῶ ὑμᾶς ἓνα λόγον· καὶ εὗξασθε αὐτοῖς καὶ δεήθητε, καὶ ἐὰν ποιήσωσιν ὃ λέγω, οἶδα ὅτι δύνανται. Εἰ δὲ μή γε, ὃ θέλετε ὑμεῖς, εἵπατέ μοι καὶ τῇ τοῦ θεοῦ μου δυνάμει ἐγὼ ποιῶ· καὶ ἐὰν ὃ λέγητε γένηται, πιστεύετε τῷ θεῷ μου.» Οἱ δὲ εἶπον αὐτῷ· «Καλῶς ἤτησας· τοῦτο ποιοῦμεν.»

5. Καὶ καθ' ἑαυτοὺς σκεψάμενοι εἶπον· «Δεῦτε εἰπώμεν αὐτῷ, ἵνα εισέλθῃ εἰς μίαν τῶν καμίνων. Καὶ ἐὰν ἀκούσῃ ἡμῶν καὶ εισέλθῃ, καίεται καὶ ἀπαλλασσώμεθα αὐτοῦ.» Καὶ ταύτης αὐτοῖς τῆς σκέψεως γενομένης ἔρχονται καὶ λέγουσιν αὐτῷ, ὅτι «Ἐάν ἐστιν ὁ θεὸς σου μέγας καὶ δυνατός, εἰσελθε εἰς μίαν τῶν καμίνων, καὶ ἐὰν ἐξέλθῃς ζῶν, πιστεύ[π. 143 οβ.]σομεν εἰς αὐτόν.»

6. Ὁ δὲ ἐν ἁγίοις Καπίτῳ ταῦτα ἀκούσας ἐχάρη καὶ λέγει αὐτοῖς· «Κἀγὼ οὖν ὃ λέγω ὑμῖν ποιήσατε.» Οἱ δὲ εἶπον αὐτῷ· «Τί θέλεις, ποιήσωμεν.» Ὁ δὲ εἶπεν αὐτοῖς· «Δότε μοι τὰ τέκνα ὑμῶν καὶ στήσω αὐτὰ πρὸς ταῖς καμίνους, ἵνα διὰ τοῦ θεοῦ μου ἐξερχομένου μου ἀβλαβῶς ἐκ τῆς καμίνου καὶ μὴ πιστεύσητε αὐτῷ, ἐμβάλω αὐτὰ ἐν ταῖς καμίνους.» Οἱ δὲ προθύμως τὸν λόγον αὐτοῦ δεξάμενοι ἤνεγκαν αὐτὰ καὶ παρέδωκαν αὐτῷ λέγοντες εἰς ἑαυτοὺς· «Μὴ δύνασθαι αὐτὸν ἐξερχόμενον ἐν τῇ καμίνῳ ἐξιέναι ζῶντα, καὶ τὰ τέκνα ἡμῶν μεθ' ἡμῶν εἰσιν.»

7. Ὁ δὲ ἐν ἁγίοις Καπίτῳ ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ εὐξάμενος καὶ κατασφραγίσας ἑαυτόν τε καὶ τὴν κάμινον εἶπεν τῇ καμίνῳ· «Ἐν τῷ ὀνόματι Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν δέξαι με.» Καὶ πάλιν κατασφραγίσας αὐτὴν εἶπεν· «Αὕτη ἡ πύλη τοῦ κυρίου· δίκαιοι εἰσελεύσονται ἐν αὐτῇ.» Καὶ τοῦτο εἰπὼν εἰσῆλθεν ἐν τῇ καμίνῳ καὶ ποιήσας ἐν αὐτῇ ὡς ἡμῶν ἐξῆλθεν διὰ τοῦ θεοῦ σφῶς καὶ ἀβλαβῆς καὶ ἔχων τὸ πρόσωπον αὐτοῦ λαμπρὸν καὶ φαιδρὸν ὥσει ἀγγέλου.

8. Θεασάμενοι δὲ αὐτὸν οἱ Ἕλληνες σφῶν καὶ ἀβλαβῆ ἐξελθόντα ἐκ τῆς καμίνου, ἐκπλαγέντες δὲ καὶ ἐπὶ τῇ τοῦ προσώπου αὐτοῦ φαιδρότητι, πάντες ὁμοθυμαδὸν πρὸς τοῖς ποσὶν αὐτοῦ πεσόντες ἔκραζαν λέγοντες· «Μέγας ὁ θεὸς τοῦ ἐπισκόπου, καὶ ἡμεῖς πάντες ἀπὸ τῆς σήμερον εἰς αὐτὸν πιστεύομεν καὶ δεόμεθα Χριστιανοὶ γενέσθαι.» Καὶ εὐθέως ὁ ἐν ἁγίοις Καπίτῳ λαβὼν κατήχησεν ἅπαντας αὐτοὺς ἀπὸ μικροῦ καὶ ἕως μεγάλου. Καὶ ἐπέτρεψεν αὐτοῖς ἅμα τοῖς τεχνίταις καταλῦειν τὴν τοῦ Παρθενικοῦ λεγόμενον ναόν· οἱ δὲ ὁμοψύχως σταθέντες τὸ κελευθὲν αὐτοῖς ἐποιοῦν συμβοηθοῦντες τοῖς κάμνουσιν, ἕως οὗ ἐπληρώθη ὁ θεῖος ναός.

9. Καὶ ἐγκαινισθέντος αὐτοῦ πάντας αὐτοὺς ἐν αὐτῷ ἐβάπτισεν ἐν μὲν ταῖς ἡμέραις τοὺς ἄνδρας βαπτίζων καὶ τοὺς ἄρ[π. 144] ῥενας παιδας, ἐν δὲ ταῖς νύξιν τὰς γυναῖκας καὶ τὰς κόρας. Καὶ οὕτως διέμεινεν ἄχρις δύο μηνῶν ἐν καταστάσει βαπτίζων αὐτοὺς.

10. Τούτου οὖν ἐν τοῖς ἁγίοις καὶ θεσπεσίῳ ἀνδρὸς τὴν ποίμνην τοῦ Χριστοῦ ταῖς διδασκαίς ἐπαυξήσαντος καὶ λόγοις ἐνθείοις κατακοσμήσαντος καὶ πλείστα θαυματουργήσαντος μακαρίως τὸν τῇδε βίον μετέλλαξεν ἀναπαυσάμενος τῇ εἰκάδι δευτέρᾳ τοῦ δεκεμβρίου μηνός.

11. Ἴδετε οὖν, ἀδελφοί ἀγαπητοί, πῶς οἱ τῷ Χριστῷ ἐκ καρδίας προσευχόμενοι ἀγαποῦνται ὑπ' αὐτοῦ καὶ δοξάζονται. Μάθωμεν, τίμιοι πατέρες, πῶς οἱ γνησίως δουλεύοντες αὐτῷ εὐπαρρησιάστως καὶ πνεύμασιν ἀκαθάρτοις καὶ ὕδατι καὶ πυρὶ κελεύουσιν, καὶ πάντα αὐτοῖς ὑποτάσσεται τῇ τοῦ Χριστοῦ δυνάμει, καὶ ψυχὰς ἀνθρώπων ἀσεβῶν ἐζωγρημένων ὑπὸ τοῦ διαβόλου ἀνακαλοῦνται καὶ θεῷ προσάγουσι

δῶρον. Σπεύσωμεν οὖν καὶ ἡμεῖς, φιλόχριστοι, τὸν τοῦτον ἔνθεον μεταδίδωκεν βίον, ἵνα καὶ τῆς αὐτῶν ἀξιωθῶμεν μερίδος ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ κυρίῳ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

Святого Капитона, епископа Херсона

Этот святой Капитон был послан епископом в Херсон при императоре Феодосии Великом, после кончины епископа Эферия⁴³. Достигнув города Херсона, где было еще много неверующих, этот муж, полный Святого Духа⁴⁴ и божественной мудрости, каждый день без усталости поучал и призывал язычников оставить напрасное поклонение идолам и обратиться к истинному Богу – Христу, нашему Царю.

Решил он разрушить языческий храм, называвшийся в честь идола Партенос⁴⁵, и построить заново как освященный дом Божий во имя святого и славного первоверховного апостола Петра⁴⁶. И намеками говорил он об этом язычникам каждый день. Но они не соглашались даже слышать об этом.

Однако святой Капитон, не обращая внимания на их возражения, приказал устроить две печи в так называемом Перибол⁴⁷ для изготовления негашеной извести. Когда их сделали и разожгли на закате, и они горели всю ночь, утром язычники, придя вместе с иудеями, стали препятствовать тому, чтобы печи горели, говоря святому Капитону, что он не сможет разрушить их храм, так как их боги могущественны.

Отвечает им епископ: «Я, дети и братья, спешу построить дом Истинного Бога для спасения ваших душ. Ведь те, кого вы называете богами, – это пустые и мерзостные идолы, дело человеческих рук⁴⁸. Если же вы считаете, что они боги и на что-то способны, то я попрошу вас об одной вещи: помолитесь им и попросите их, и, если они сделают то, что я скажу, я буду знать, что они могущественны⁴⁹. А если нет, то скажете вы мне, что хотите, и я сделаю это силой своего Бога; и если получится то, что вы скажете, вы уверуете в моего Бога». Они сказали ему: «Отличная просьба – так и сделаем».

И поразмыслив меж собой, они сказали: «Давайте скажем ему, чтобы он вошел в одну из печей. И если он послушается нас и войдет туда, то сгорит, и мы избавимся от него». После того как они выдумали такой план, приходят к нему и говорят: «Если твой бог велик и могуществен, то войди в одну из печей, и если ты выйдешь оттуда живым, то мы уверуем в него».

А святой Капитон, услышав это, обрадовался и говорит им: «Тогда сделайте и вы то, что я скажу вам». Они ответили: «Что ты хочешь, то и сделаем». Он сказал им: «Дайте мне своих детей, и я поставлю их около печей, чтобы, когда я благодаря своему Богу невредимым выйду из печи, а вы не уверуете в Него, я бросил их в печи». Охотно приняв его предложение, они привели их и передали ему, говоря

⁴³ Умер после 381 г.

⁴⁴ Ср. Лк 4, 1; Деян 6, 5; 7, 55; 11, 24.

⁴⁵ Имеется в виду, несомненно, античная херсонесская богиня Партенос-Дева.

⁴⁶ Возможно, идентичен так называемой Восточной базилике.

⁴⁷ Судя по местоположению храма над «чудесной» печью – так называемого тетраконхального мартирия, Перибол находился в углу между западной и южной стеной города. Устройство печей вдали от жилых кварталов выглядит вполне логичным.

⁴⁸ Агиографический топос.

⁴⁹ Ср. 3 Цар 18, 24.

промеж собой: «Невозможно ему, войдя в печь, выйти живым, и наши дети будут [снова] с нами».

А святой Капитон, воззрев на небо, помолившись и запечатав [крестным знаменем] и себя, и печь, сказал печи: «Во имя Иисуса Христа, нашего Бога, прими меня». И снова запечатав ее, сказал: «Это врата Господа – праведники войдут в них»⁵⁰. Сказав так, он вошел в печь и, проведя в ней около получаса, вышел цел и невредим благодаря Богу, с лицом, сияющим и светлым, словно у ангела⁵¹.

Язычники, увидев, что он вышел из печи цел и невредим, а также пораженные сиянием его лица, все единодушно упали к его ногам и воскликнули: «Велик Бог епископа»⁵², и все мы отныне веруем в Него и просим стать христианами». Тотчас святой Капитон взял и огласил их всех от мала до велика. И приказал он им вместе с мастерами разбирать так называемый храм Парфеника. А они, став единодушно, стали исполнять его приказ, помогая рабочим, пока не был окончен Божий храм⁵³.

После его освящения он крестил в нем их всех: днем он крестил мужчин и детей мужского пола, а ночами женщин и девочек⁵⁴. И в таком состоянии, крестя их, он находился до двух месяцев.

Итак, после того как святой и богодухновенный муж увеличил своими поучениями паству Христову, украсил ее божественными словесами и совершил множество чудес, он блаженно простился со здешней жизнью, упокоившись двадцать второго декабря.

Вот вы видите, любезные братья, как те, кто молятся Христу от всего сердца, любимы им и прославлены. Поймем, честные отцы, как те, кто искренне служат Ему, свободно повелевают и нечистыми духами, и огнем, и все подчиняется им благодаря силе Христовой, а души нечестивых людей, уловленных дьяволом, они вызволяют и приносят в дар Богу. Постараемся же и мы, христороубы, проводить такую жизнь в Боге, чтобы удостоиться и удела с ними во Христе Иисусе, нашем Господе, Которому слава во веки веков, аминь.

Литература

1. *Виноградов А.Ю.* 2007: Предания об апостольской проповеди на восточном берегу Черного моря // Богословские труды. 41, 260–271.

⁵⁰ Пс 117, 20. В современном богослужении используется как стих на Богородичные праздники (любезно указано свящ. М. Желтовым). Однако в древности он, очевидно, использовался в молитвах входа, на что указывают 28 случаев его использования в надписях (согласно PNI7 Database), в том числе и при входах в храм. Как показывают ранневизантийские надписи IGLS 271 (606–607 гг., Муаллак в Сирии I) и SEG 7:1186 (Мофана в Палестине, V в.), данный стих связан и с основанием храма, что проясняет его появление в «Чуде», где он связан со строительством храма св. Петра.

⁵¹ Агиографический топос.

⁵² Ср. Дан 14, 41.

⁵³ Восточная базилика действительно построена, по всей вероятности, на месте античного теменоса (Сорочан 2005, 880–886).

⁵⁴ Уникальная практика, не находящая аналогов. «Апостольское предание» (гл. 21) предписывает отдельное крещение мужчин и женщин (любезно указано А.А. Ткаченко). Ночное крещение было известно в сирийской традиции. В данном случае соотношение дня и ночи с мужчинами и женщинами соответственно может быть связано с вопросом стыдливости.

2. *Виноградов А.Ю.* 2008: Первый эпитафист, «год от Адама» и воспорский Апостолейон. История феодосийской колонны // *Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой.* М., 67–72.
3. *Виноградов А.Ю.* 2010a: Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпитафики. М.
4. *Виноградов А.Ю.* 2010b: Литературные источники // *Античное наследие Кубани.* 2. М., 136–145.
5. *Грацианская Л.И.* 2004: Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора («De administrando imperio»). С. 53. Lin. 1–492 // *Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников.* I. СПб., 87–94.
6. КБ 1991: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М. (Древнейшие источники по истории народов СССР) (1-е изд., 1989).
7. *Латышев В.В.* 1906: Жития епископов Херсонских (Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. 8. № 3). СПб.
8. *Сороочан С.Б.* 2005: Византийский Херсон. Харьков.
9. *Bury J.B.* 1906: The Treatise De administrando Imperio // *Byzantinische Zeitschrift.* 15, 517–557.
10. *Delehaye H.* 1902: *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae* (Acta sanctorum, Nov., Propyl.). Bruxelles.
11. *Diller A.* 1952: *The Tradition of the Minor Greek Geographers.* Oxf.
12. *Fraser P.M., Matthews E.* 2005: *A Lexicon of Greek Personal Names.* 4.
13. *Halkin F.* 1957: *Bibliotheca hagiographica graeca.* Bruxelles.
14. *Halkin F.* 1983: *Catalogue des manuscrits hagiographiques de la Bibliothèque nationale d'Athènes* (Subsidia hagiographica, 66). Bruxelles.
15. *Halkin F.* 1984: *Novum auctarium Bibliothecae hagiographicae graecae.* Bruxelles.
16. *Jankowiak M.* 2011: Byzance sur la mer Noire sous Constant II: la date de la première notice du patriarchat de Constantinople // *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies.* III. Sofia, 56–57.
17. *Jenkins R.* 1962: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio.* Vol. II. Commentary. L.
18. *Minns E.* 1913: *Scythians and Greeks.* Cambr.
19. *Moravcsik G.* 1967: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio.* Vol. I. Text. L.
20. *Ruggieri V.* 1993: The IV Century Greek Episcopal Lists in the Mardin Syriac 7 (olim Mardin Orth. 309/9) // *Orientalia Christiana Periodica.* 59, 315–356.
21. *Salamon M.* 1971: The Chronology of Gothic Incursions into Asia Minor // *Eos.* 59, 109–139.
22. *Zuckermann C.* 1991: The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus // *Travaux et Memoires.* 11, 527–553.

CHERSONESUS AND CHERSON: TWO HISTORIES OF ONE CITY. NAMES, PLACES AND DATES IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE CITY

A.Yu. Vinogradov

The article is devoted to the history of Chersonesus Taurica in the 4th century AD. The author presents a comparative analysis of the only three narrative sources concerning this period, i.e. *The History of the Fortress of Cherson*, the 53th chapter of *De administrando Imperio* by Constantine Porphyrogenitus and *The Lives of the Bishops of Cherson*. Analysing their composition, sources and ideology, the author supposes that they were written simultaneously in the first half of the 6th century during the consolidation and growth of Byzantine possessions in the North Pontic area, where the Bosporos began to play the preeminent role. Both the *History* and the *Lives* could have been attempts to defend Chersonesus' independence from the Bosporos.

Keywords: Chersonesus, Bosporos, 4th AD, Byzantium, epigraphy, manuscripts, local history, falsification, church.